

Джин, внезапно услышавший, как его называли папой, был настолько ошарашен, что машинально схватился за пистолет в кармане. В голове мелькнуло желание приставить ствол к виску Хэйцзэ Цина и нажать на курок, но, вспомнив слова Карасумы Рэнъи, он подавил этот порыв и убрал руку от оружия.

В то же время Джина терзали сомнения: неужели он выглядит настолько старым, что пятнадцатилетнего мальчишку тянет называть его отцом?

Хэйцзэ Цин в тот момент был до смерти напуган, и, как любой ребенок в состоянии стресса, просто расплакался.

Джин, глядя на ревущего мальчишку, почувствовал себя не в своей тарелке — в конце концов, не убивать же его на самом деле. Босс дал четкие указания, и Джину, смирившись, пришлось предложить Циню называть его братом или старшим товарищем.

Однако Хэйцзэ Цин не хотел называть его никак, и в итоге остановился на слове дядя.

К такому обращению Джин отнесся вполне спокойно. Позже, из-за своих странных наклонностей, Хэйцзэ Цин время от времени то называл его дядей, то просто обращался по имени.

Можно сказать, что Саке был воспитан Джином и Боссом, но если быть точнее — именно Джин занимался его воспитанием целых пятнадцать лет.

Иногда Джин чувствовал себя бессильным перед Хэйцзэ Цином. За столько лет он прекрасно изучил характер этого парня. Наемному убийце не нужны чувства, но нельзя сказать, что у Хэйцзэ Цина их нет вовсе — как-никак, собственными руками вырастил. Поэтому, пока тот вел себя тихо и не предавал Организацию, проблем не возникало. Но если бы он решился на предательство, Джин без колебаний прострелил бы ему голову.

Никому из тех, кто позволял себе лишнее вне рамок заданий, Джин не прощал оплошностей. Хэйцзэ Цин был исключением, но, как любил поговаривать сам Джин:

— Даже исключения должны умирать, когда приходит их срок. Вопрос лишь в том, дрогнет ли у меня рука.

Это было очень в духе Джина.

После ухода Джина Хэйцзэ Цин заказал бармену стакан молока, выпил его залпом и засобирался. Нужно было садиться за руль, а попадаться на вождении в нетрезвом виде не хотелось. Когда он вышел из бара, уже совсем стемнело. Посмотрев на свою машину, украшенную тремя пулевыми отметинами, он поморщился. В принципе, на ходу она была, но белый цвет с выбоинами выглядел отвратительно — смотреть было больно. Он потерял виски.

— Не звонить же снова Джину, чтобы он составил компанию. Ладно, отгоню в одну из мастерских Организации, — Хэйцзэ Цин скривил губы, вставил ключ в зажигание и уехал.

Бармен, продолжавший протирать стаканы, проводил их взглядом и стал ждать следующих посетителей для обмена информацией. Он не мог покинуть это место — клиенты могли появиться в любое время.

Малолюдный бар не привлекал лишнего внимания. Многие жители из этого района давно съехали, но жизнь здесь еще теплилась, и полупустой захудалый бар выглядел вполне естественно. У Организации в Японии было немало таких точек.

— Господин.

— Здравствуйте, господин.

Хэйцзэ Цин вошел в штаб-квартиру Организации в Японии. Повсюду сновали люди в черном. Сегодня и сам Цин был в черном одеяле.

Никто не обязывал носить здесь черный цвет, но атмосфера Организации была пропитана тьмой. Даже в ярко освещенных коридорах базы ощущался какой-то мрак. Люди невольно тянулись к черной одежде, в которой любая другая выглядела бы неуместно. Особенно это касалось высшего руководства — черный стал своеобразной корпоративной культурой.

Люди, проходившие мимо Хэйцзэ Цина, невольно останавливались, прижимали руку к груди и с легким поклоном произносили: Господин. Даже те, кто не знал его в лицо, повторяли за остальными.

Цин не удостаивал никого ответом. На его лице, которое только начало приобретать взрослые черты, читалась не по годам глубокая холодность. Внешностью и манерами он был пугающе похож на Джина, который его вырастил.

Все поспешно возвращались к своим делам, стараясь не задерживать взгляд на его лице — не смели. Те, кто знал его, понимали, что с этим человеком лучше не связываться: характер у него был скверный, и кто знает, не приставит ли он тебе пистолет к голове в следующую секунду, как это сделал бы Джин? Эти люди встречали его в США или Италии и насмотрелись на его выходы.

Те, кто не знал его, тоже не рисковали — здесь, в отличие от общественных мест, у всех было развито чутье. Без него здесь долго не живут.

Не обращая внимания на окружающих, Хэйцзэ Цин прошел к лифту, нажал кнопку восемнадцатого этажа и стал ждать.

Восемнадцатый этаж был самым высоким в штабе. Там хранились важнейшие секреты Организации в Японии. Никто, кроме Босса и высокопоставленных членов, имеющих кодовые имена, не имел права туда входить. Встречи верхушки проходили здесь же, но только в сопровождении кого-то из высшего эшелона.

С тех пор как Босс обосновался в Японии, этот этаж был закрыт для всех, так как он часто работал там — по сути, ради безопасности.

Хэйцзэ Цин считал, что Боссу защита не нужна: тот в одиночку мог бы справиться и с ним, и с Джином вместе взятыми. А эти охранники были бесполезны — даже не заметили, что Босса не было на месте. Хотя это скорее говорило о силе Босса, чем об их некомпетентности, но все же стоило бы навести порядок.

Выйдя из лифта на восемнадцатом этаже, он подошел к массивной двери, которую охраняли

два здоровяка в черном. Эти двое могли потягаться даже с Джином. Увидев Хэйцзэ Цина, они тут же почтительно распахнули двери, даже не требуя подтверждения личности.

Цин прошел по серебристо-белому коридору, достиг нужной комнаты, тихо приоткрыл дверь, вошел и закрыл ее за собой. Внутри царил полумрак, лишь несколько ламп освещали центр помещения. Хэйцзэ Цин почтительно склонил голову перед человеком, сидевшим в центре:

— Босс.

Сидевший в кресле человек медленно поднял голову. Его лицо с фарфоровой кожей казалось выточенным искусным скульптором — черты были безупречно тонкими. Он был одет в черно-белый костюм и выглядел лет на двадцать, но никто, даже самый доверенный человек, Джин, не мог сказать точно, сколько ему лет. Он смотрел на вошедшего с мягкостью, которая, казалось, была неизменной.

— Сяо Цин пришел. Иди сюда, — его голос звучал по-мальчишески игриво, что совершенно не вязалось с этой обстановкой.

— Хорошо, — Хэйцзэ Цин улыбнулся, послушно подошел и, пододвинув стул, сел поближе к Боссу.

Босс коснулся щеки Хэйцзэ Цина и с многозначительной улыбкой проговорил:

— Давно не виделись, Сяо Цин снова подрос.

Его тон напоминал дедушку, любящегося внуком.

Хэйцзэ Цин при этих словах едва не покрылся испариной:

— Босс, о чем вы? Мы же виделись два месяца назад в Италии.

Два месяца назад Босс тайно прибыл в Италию и внезапно возник перед ним, напугав до смерти. Ему тогда захотелось взглянуть на ту самую организацию Зоопарк, которая пыталась использовать драгоценные камни для создания магических кругов.

— Два месяца назад — это уже прошлый год, Сяо Цин стал на год старше, — Босс не видел в своих словах ничего странного.

Хэйцзэ Цин не знал, что и ответить. Временная шкала этого мира становилась все более абсурдной. Сейчас был май, но у него самого уже давно сбилось восприятие времени, и он даже не помнил, когда в последний раз был Новый год. Видимо, мир Конана начал влиять и на него. Он лишь обреченно ответил:

— Ну, пусть будет так.

Карасума Рэнъя с улыбкой поинтересовался делами ребенка, которого когда-то подобрал:

— Как решился вопрос в Италии?

— Разумеется, это была лишь кучка смутьянов, — Хэйцзэ Цин был уверен в успехе подобных мелких заданий.

Он просто взорвал их всех, не оставив даже целых тел.

<http://bllate.org/book/22322/2337883>